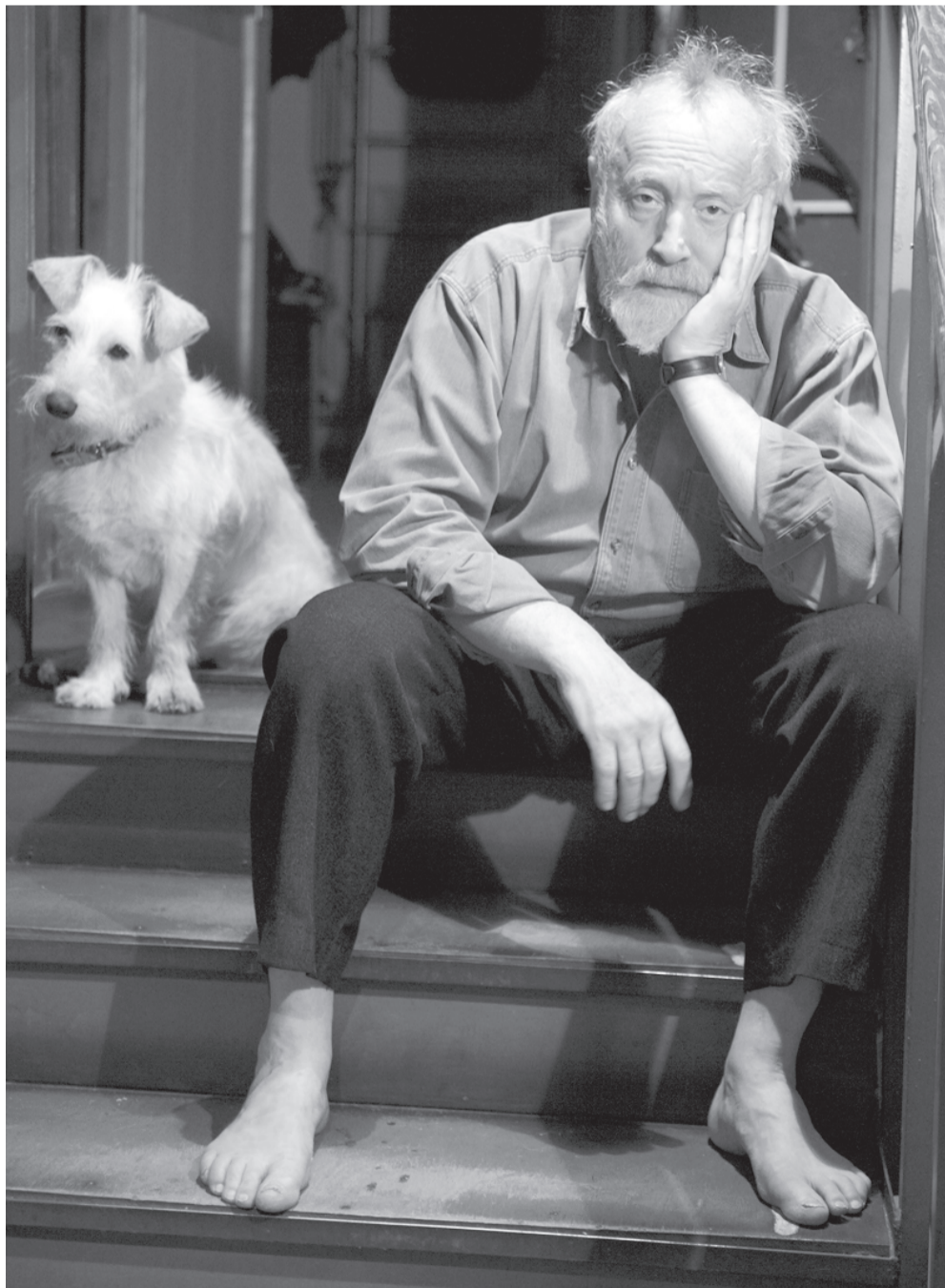

«Сначала я долго снимал Сахарова без пленки. Чтоб он привык ко мне».

«Рядом с Юрием Норштейном светло. Он разгребает темноту».

Юрий РОСТ: Человек не видит то,

В ЭРАРТЕ ОТКРЫТА ВЫСТАВКА «СВОБОДА В ОБЪЕКТИВЕ. КЛАССИКИ СОВЕТСКОЙ ФОТОГРАФИИ»

Три фотообъектива из разных (хотя и пересекающихся) эпох советского континуума. Александр Родченко — здесь на фото Маяковский, Лиля и Осип Брик, модный серый «реношка» и косые скулы авангарда, весь нервный стиль 20-х. Этот раздел так и называется: «Круг Родченко. Стильные люди». Коллекцию работ фотокорреспондента ТАСС Владимира Лагранжа назвали просто — «Оттепель», и центральной тут является фотография «Голуби», символ выдохнувшей после войны и террора эпохи.

Третья часть составлена из работ Юрия Роста, корреспондента «Комсомольской правды», «Литературной газеты», теперь — «Новой газеты», не только фотографа, но и журналиста, и поэта, и путешественника вокруг земного шара. Он отдает должное жанру пейзажа и портрета, но здесь представлены только портреты — знаменитых его друзей и тех незнакомцев, которых сделали известными его фотографии.

Кроме фотографий на стенах висят его прозаические тексты, заметки о героях снимков. Юрий Рост предполагает, что эти-то рассказы и есть основной элемент его творчества, а фотографии призваны лишь подкрепить их. Тут, наверное, можно выбирать, кому как больше нравится.

О вкусе к текстам, к фотографиям и к людям мы с Юрием Михайловичем поговорили на открытии выставки.

ВЕЧНАЯ ВЕСНА В АТЛАНТИДЕ

— Юрий Михайлович, я только сейчас осознал, что ваш портрет Алисы Фрейндлих помню с детства. Тот, где она сидит в гримерке к нам спиной. Мы видим ее отражения в большом зеркале и в маленьком, круглом. Очень я его любил, сам не зная почему. Засело в подкорку...

— Да что вы? Там еще, помню, неплохой текст был. Я придумал такой литературный ход — «Алиса в Зазеркалье». Поэтому она у меня сразу в двух зеркалах отражается. И потом, там есть хорошая мысль о том, что у актеров на сцене нет тени. В этом есть что-то дьявольское...

— Но ее тут нет, кажется. А почему именно эти портреты выбрали? Ведь у вас их, наверное, больше во много раз...

— Фотографии, здесь представленные, вошли во второй том моей трилогии «Групповой портрет на фоне мира». Там я был ограничен пределами бывшего СССР, тут — разные места, где я бывал. Я старался представить все континенты: Азию, Африку, Европу, Австралию... И даже Антарктиду.

Это не я отбирал фотографии, поэтому пейзажей тут нет. Но люди на них все — достойнейшие. И все это редкие кадры, которые мало кто видел. Правда, когда я организую экспозицию, обычно чередую людей. Чтоб не было интеллигента рядом с интеллигентом, крестьянина рядом с крестьянином. Мне хочется дать больше контраста. Тогда это дает картину мира. А тут вот, получается, культурная стена: Виктор Голышев, Отар Иоселиани, Наталья Нестерова...

Но мне очень нравятся эти две карточки художника Ильи Кабакова. Две прогулки, между ними — дистанция лет в тридцать. Одна прогулка — это примерно 1977 год. А эта — 2012-й. Он стал другим. Стоит на фоне белой стены...

Вот мы выпиваем в одесском «Гамбринусе». Это скрипач Миша Мочман. А это за пианино — старик Певзнер. Он с гордостью

уверяет, будто про него говорится в рассказе Куприна «Гамбринус», что он жутко фальшивил.

Вот Альберт Чечельницкий. Это астрофизик, он работал в Дубне, в закрытом институте... Он гений. Он доказал, что существуют скорости выше световых. Он предсказал, с чем встретится в космосе американский аппарат. Он предсказал всевозможные катаклизмы — не по болям в ногах, а производя точные расчеты. Кроме того, он ставит под сомнение географию праистории. Все, что написано в Библии, по его мнению, происходило не на Ближнем Востоке, а на Дальнем.

— В Японии?

— Вокруг Берингова пролива. И Атлантида, он считает, тоже находилась там. На Аляске. Это связано с тем, что Земля имеет сейчас иной угол наклона эклиптики. А тогда там стояла вечная весна... Может, это все и игра такая. Но очень интересно. Еще он помогал Льву Гумилеву датировать передвижения народов. Это все есть в сопроводительном тексте...

— Вы думаете, люди будут их читать? Даже в Интернете большие статьи редко кто читает, людям трудно сосредоточить внимание. А тут надо еще и стоять перед текстом...

— Я на Интернет не ориентируюсь, там другая история. А тут — будут! Один текст прочтут — и дальше втянутся. Вон уже читают, посмотрите. Да мне и не так важно, будут ли читать. Мне главное — написать.

— Я помню, что вы говорили в каком-то интервью, что тексты для вас важнее, вы себя скорее считаете журналистом, а не фотографом...

— Я журналист, конечно, в первую очередь. Посмотрите вот на Лагранжа. Он очень хороший фотограф. Но есть попытка передать какой-то художественный ритм, массовое движение, голубей этих... Я этого просто не делаю. Мне хочется гуманистической достоверности. И портреты у меня не портреты. Они же все сняты без поставленного света. Мне хватает уличного фонаря. Я про-